

ПО ДОРОГАМ ГВИНЕИ

ЛОНГИН ЗАРЕМБА

Редакция публикует отрывок из книги польского журналиста Лонгина Зарембы «По дорогам Гвинеи». В нем рассказывается о «лагере всесторонней подготовки молодежи» — так автор назвал один из лагерей, созданных по инициативе молодых гвинейцев, где юноши и девушки учатся и бесплатно трудятся на благо своей родины.

МУЖЧИНЫ НЕ СОГЛАСНЫ...

Я БЫСТРО справился с завтраком — традиционными кукурузными лепешками и черным кофе — и принялся за фрукты, когда в столовую вошел взволнованный Диало — руководитель лагеря.

— Товарищ Заремба, большая неприятность.

— Что такое?

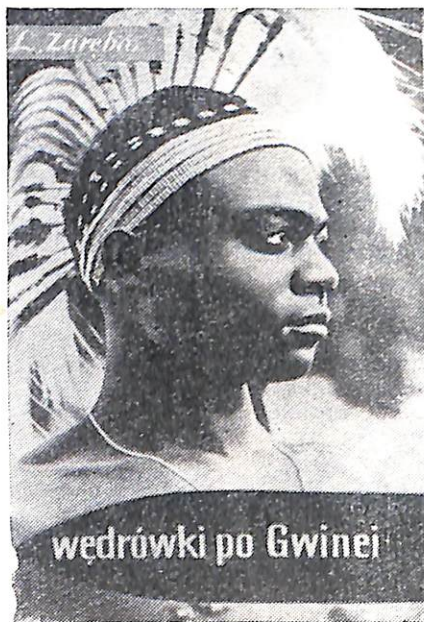
— Пришла ко мне сегодня делегация старейшин родов с протестом, и все из-за этих дурацких брюк.

— О каких брюках идет речь? Ничего не понимаю.

— Сейчас объясню, а ты подумай, как бы ты поступил на моем месте. Понимаешь, женщины у нас не имеют никаких прав, полновластным их господином является муж. Здесь жители — в большинстве своем мусульмане, они ревниво оберегают свои мужские привилегии. Уже одно то, что девушки работают вместе с юношами, не могло им понравиться. Представь себе, как они были шокированы, когда увидели наших девушек в брюках. «Это уже слишком!» — возмутились старики.

— Ну и пусть ворчат, — заметил я.

— Да, если б только ворчали, — руководитель лагеря беспокорно потряс головой. — А ведь старейшины грозятся, что ежели эти «лишившиеся чести и веры»

девушки не снимут брюк, то они проклянут их, устроят скандал и черт знает что еще выкинут.

— А что же девушки?

— В том-то и вся трагедия, что когда мы им сказали об этом, то все они взбунтовались. Если еще вчера они не желали надевать брюк, то сегодня заявили, что и не подумают их снимать. Мало того, они собираются устроить демонстрацию протеста: выйти в город в брюках. Чувствую я, что назревает скандал. Как быть? Девушки правы. Однако мы не

можем настраивать против себя здешних жителей. Скажи, что бы ты сделал на моем месте?

Молчу. Что я могу еще ответить? Думаю о том, насколько сложные и неожиданные проблемы встают перед новой властью буквально на каждом шагу. Проблемы, для которых нет готовых, схематических решений. Надо искать собственных путей, исходя из здешних условий, обычаев, традиций. Вместо ответа прошу рассказать мне об обычаях и традициях, касающихся женщин, об их общественном положении.

Я приготовился выслушать обстоятельное объяснение, но собеседник мой был слишком взволнован.

— К сожалению, я мало что могу тебе сказать. Не потому, что не хочу, а просто потому, что не сумею обстоятельно осветить эту проблему. Очень уж она сложна. Однако могу посоветовать тебе пойти к Си Умару. Он в этих вопросах специалист.

— Кто такой Си Умар?

— Это здешний историк-доброволец. Когда-то служил в местной администрации и собирал сведения о народах Черной Африки. Хотел написать книгу. Сегодня он советник наших властей. Поезжай к нему.

ГРУППОВОЙ БРАК

Долго уговаривать меня не пришлось. Еду. Надо добраться до торговой площади, а там можно спросить любого.

Видимо, здесь все знают Умара. Какой-то подросток провожает меня до самых дверей маленького домика. Мне отворяет старый, сгорбленный африканец с морщинистым лицом. Одет в серые штаны и белую сорочку. В роту держит короткую трубку. Вопросительно смотрит на меня, ожидая объяснения причины столь неожиданного визита. Представляюсь ему и говорю, кто меня к нему направил. Приглашает войти. Маленькая комнатка тонет в полумраке, здесь почему-то удивительно прохладно.

— Присядьте, прошу вас. — Хозяин придвигает ко мне старое бамбуковое кресло. Сам он садится на простую деревянную скамейку по другую сторону сто-

ла, сбитого из неструганных досок. Стены, выбеленные известью, отливают голубизной. В углу комнаты топчан, накрытый одеялом. В стене напротив меня — прямоугольник дверей, ведущих в соседнюю комнату. Там-то, наверное, и помещается храм науки о тайнах племен, раскрытых трудами Си Умара.

— Чем могу быть полезен? — Мой хозяин говорит на изысканном французском языке с настоящим парижским прононсом.

Когда я объяснил цель моего визита, историка это не удивило. Видимо, я был не первым. Он сразу же начинает повествование.

— Пусть господин слушает внимательно. Предупреждаю, что это проблема довольно сложная. А я знаю по опыту, что европейцы любят иногда упрощать положение, опираясь на поверхностные наблюдения. Из отдельных примеров они пытаются вывести обобщения, не видят никакой эволюции этого вопроса — а ведь жизнь не стоит на месте...

Это правда, что еще сегодня в Гвинее встречаются групповые браки, где дети — не без оснований — называют отцом не только своего фактического отца, но и всех его братьев. Имя матери носят также и ее сестры. Такая форма родственных связей была некогда повсеместной. Группа братьев брала в жены группу сестер. Отсюда и возникло название «групповой брак»: жены были собственностью всех братьев, а те принадлежали всем женам. В рамках такого супружества господствовала неограниченная сексуальная свобода. Из таких браков выводилась только одна линия потомства — линия материнская, по той простой причине, что точно известна была только мать ребенка.

В этих условиях главой рода была мать. Речь идет о первобытнообщинной эпохе, когда плохо вооруженные мужчины вынуждены были объединять свои усилия, чтобы добыть пищу, проводили на охоте в лесах целые недели. В поселениях оставались женщины, на них лежала забота о домашнем очаге, о воспитании детей. В силу этого, как уже сказано, они стояли во главе рода, играя первостепенную роль в групповом браке. С этим типом супружества можно еще встретиться сегодня в некоторых племенах, как, например, дендие, бете, сусу...

Но даже эти племена прошли уже известную эволюцию. Групповые браки заключаются там теперь на другой основе. Группа мужчин берет себе жен из дру-

После трудового дня...

гого рода, но вместе с тем обязуется доставить такое же количество девушек из своего рода.

Главой рода является мужчина, а женщины не составляют общую собственность в том смысле, как это понималось при первобытном строе. Осталась половая свобода, одинаково касающаяся и мужчин и женщин. Девушки ведут свободную жизнь, пользуясь этой привилегией и по выходе замуж, но только до появления первого ребенка. С момента появления на свет первого потомка рода сожительство женщины с другим мужчиной, не отцом ее ребенка, считается преступлением. Муж, то есть отец ребенка, за измену жены имеет право требовать от «со-

блазнителя» компенсации за нанесенное оскорбление.

При этой новой форме супружества, весьма распространенной в Гвинее и сегодня, женщина, приходя в дом мужа, не становится членом его родового клана. Ее дети, например, по достижении определенного возраста переходят под опеку не своего отца, а брата матери, который полностью распоряжается ими и заботится об их будущем. Но они не имеют права на отцовское наследство.

Как вы заметили, здесь явное противоречие в системе родства. Семья как бы включает мужа жену либо нескольких жен, их потомство, но на деле жены и дети принадлежат другой семье...

КАК ОКОНЧИЛСЯ БУНТ ДЕВУШЕК

Наш разговор прервало появление нового гостя, высокого, сухого, словно столетнее дерево. Пришедший облачен в длинную, до пят, белую одежду, богато вышитую, опирается на суковатую палку с мастерски вырезанными на ней сложными узорами.

Увидев его, хозяин поспешно вскакивает со своей скамейки и пододвигает ее гостю, а сам садится прямо на утрамбованный глиняный пол, что — как мне еще в Конакри объясняли — является знаком наивысшего уважения и почета. Затем начинается церемония знакомства.

— Представляю господину мудрого, почтенного Фатааба — вождя рода сангуяна, которого имею честь называть своим другом, — говорит хозяин. — А это, — добавляет он, обращаясь к старцу и указывая рукой в мою сторону, — представитель благородного народа, который никогда не угнетал других народов, никогда не имел колоний и сам был подневольным, а теперь добыл себе свободу вооруженной рукой.

Глава рода сангуяна пылливо смотрит на меня и говорит на французском языке:

— Если ты друг, то будь благословен на земле наших предков, живи вечно в счастье, ты и твой род.

Благодарю его и в свою очередь желаю всякого благополучия великому роду, с достойным представителем которого имею честь лично познакомиться. Старец наклоняет голову в знак благодарности, и я прошу у него разрешения закончить разговор с хозяином. Снова благосклонный кивок.

— Объясните мне, пожалуйста, — продолжаю я, обращаясь к Умару, — как случилось, что женщины теперь не пользуются никакими правами и являются собственностью мужа?

— Видите ли, в настоящее время дело обстоит несколько иначе. Полная зависимость жены от мужа появилась с распространением обменных браков. Семья, которая отдавала мужчине свою дочь, теряла тем самым рабочую силу, ибо, как вам известно, наши женщины выполняют большую часть хозяйственных работ. Для компенсации потери семья требовала девушку из рода мужчины, который покупал себе жену. Таким образом, она приобретала новую работницу взамен ушедшей, и род не уменьшался численно. Девуш-

ка выходила замуж за одного из членов рода, в который пришла.

Мужчина, не имевший возможности или не желавший дать взамен за жену девушку из своего рода и располагавший средствами, компенсировал родителям невесты потерю в денежной или материальной форме. Это называлось выплатой приданого, а фактически это был обычный акт купли-продажи. Жена становилась собственностью мужа и после его смерти переходила вместе с имуществом в собственность наследников. Те, кто занимал привилегированное положение, например глава рода, или люди материально обеспеченные, могли дополнительно покупать себе жен или обменивать уже имеющихся. Таким образом, узаконенное многоженство было в первой его фазе привилегией богатых, а позднее даже бедняки стали покупать себе несколько жен. К несчастью, этот обычай у нас распространен и сегодня.

— Значит, женщины потеряли все свои гражданские и родовые права в связи с этим?

— Разумеется. Могла ли женщина выполнять общественные, политические или административные функции и тем самым властвовать над мужчиной, который дома является господином и владыкой? Это была недопустимая вещь. Но после провозглашения республики многое изменилось. Изданы декреты, запрещающие продажу девушек замуж, если они не согласны на это. В таких случаях девушку охраняет закон. Но она должна сама обратиться за защитой, а это пока случается довольно редко. По новым законам женщины могут нести любые общественные и административные обязанности, работать в учреждениях и на предприятиях, даже, вопреки семейным традициям, учиться. Но закон — это только закон, хотя само издание таких декретов было в здешних условиях настоящей революцией и требовало большой смелости. На это могло пойти лишь правительство, пользующееся колоссальным авторитетом и поддержкой всех племен. В действительности, однако, декреты эти, можно сказать, остались до сих пор мертвой буквой. Старые обычаи трудно искоренить декретами, мужчины ревностно оберегают свои «права», и за их спиной — традиции, более сильные, чем декреты.

...За все время нашего разговора вождь не прервал нас ни единым словом. Не возражал, не подтверждал ничего даже кивком

головы, сидел недвижимый, как бы не слыша или не понимая того, о чем мы говорили. Но когда я стал прощаться и благодарить хозяина за исчерпывающую информацию, старец поднял голову, в упор посмотрел на меня и, подавшись вперед, спросил:

— Так ты говоришь, что ты наш друг?

— Да, — ответил я сдержанно, не зная еще, к чему он клонит, — весь мой народ — друг угнетенных народов, мы считаем, что все люди на земле равны и все имеют одинаковое право на свободу и счастье.

На губах старца появилась тень улыбки. Опираясь на палку обеими руками, он сидел в задумчивости, как бы приготовившись принять какое-то важное решение. Наконец он заговорил:

— Желал бы ты быть гостем великого рода сангуяна?

— Разумеется, я почту за честь быть приглашенным.

— Приглашаю тебя от имени всего рода.

Мы договорились, что я приеду за ним сюда на автомашине в пятом часу пополудни.

...А каков же был финал бунта женщин в лагере? Об этом через несколько недель мне рассказал Диало.

Девушки-таки продемонстрировали свой протест, прогуливаясь по городу в брюках. Их встречали удивленные взгляды женщин и полные скрытой злобы взоры мужчин. Самые вспыльчивые старики поворачивались к ним спиной, иные даже отплевывались. Но в конце концов все смирилось, никто не устоял перед настойчивостью и смелостью девушек. Причину этой снисходительности Диало «объяснил» мне так: мужчины племени фуле считают своих женщин самыми красивыми во всей Африке. Вот и простили им даже брюки.

Но Диало чересчур упростил дело. Не из-за красоты и статности женщин отступились мужчины. Причина кроется куда глубже. Ведь не секрет, что в Гвинее мужчины весьма косо смотрят на все новшества, затрагивающие их привилегии, и на эмансипацию женщин соглашаются скрепя сердце, предпринимая все для замедления этого процесса. Но бесспорно одно — колоссальное доверие к партии, к лидерам республики. А они сказали, что все граждане Гвинеи должны пользоваться равными правами.

Перевела с польского
С. Кулешова